

РУССКИЙ ЯЗЫК

Авторы: В. В. Лопатин, И. С. Улуханов

РУССКИЙ ЯЗЫК, язык [русских](#). Гос. язык РФ, один из офиц. языков ряда государств быв. СССР. Средство межнационального общения мн. народов, живущих в СНГ и в др. государствах, входивших в состав СССР. Распространён также в диаспоре. Общее число говорящих, по оценке 2014, ок. 260 млн. чел. (ок. 162 млн. чел. владеют русским как первым языком), в т. ч. в РФ ок. 137,5 млн. чел. [из них 118,6 млн. чел. владеют русским как первым языком (2010, перепись)]. Один из офиц. и рабочих языков ООН, ЮНЕСКО и ряда др. междунар. организаций; входит в число т. н. мировых языков.

Р. я. принадлежит к вост.-слав. подгруппе [славянских языков](#). Совр. нац. Р. я. существует в нескольких формах, среди которых ведущую роль играет [литературный язык](#). За пределами лит. языка находятся территориальные и социальные [диалекты](#) ([говоры](#), [жаргоны](#), [арго](#)) и отчасти [просторечие](#).

Ареальное диалектное членение русского языка основано на выделении на территории исконного вост.-слав. (великорусского) заселения, в центр. областях Европ. части России, двух больших группировок [говоров](#) – Сев. наречия и Юж. наречия – и промежуточных ср.-рус. говоров. Говорами как местными разновидностями Р. я. пользуется исконное население этих мест (гл. обр. сельское, а в размытом виде, через посредство просторечия, и городское) в сфере бытового повседневного общения. В целом степень диал. различий не настолько велика, чтобы препятствовать взаимопониманию между носителями разных говоров, а также между носителями говоров и лит. языка (эта особенность Р. я. отличает его от таких языков, как, напр., немецкий или итальянский). Широкое распространение грамотности, образования, СМИ приводит к сужению круга лиц, пользующихся говорами в чистом виде: теперь это преим. лица (гл. обр. представители старшего поколения), не мигрировавшие с места бытования своего родного говора.

Некоторые лингвисты в качестве особой разновидности Р. я. выделяют язык рус. зарубежья, т. е. язык соотечественников, постоянно проживающих за рубежом.

Для фонологического строя Р. я. характерны разветвлённая система согласных фонем (в консонантизме 37 фонем, в большинстве своём парных по признакам твёрдости-мягкости и глухости-звонкости) и значительно менее сложный, исторически упростившийся вокализм (всего 5, в другой традиции – 6 фонем) при разнообразии позиционных видоизменений (вариантов) и тех и других. Слоговыми (слоγοобразующими) являются обычно гласные звуки. Ударение – динамическое, разноместное (свободное), подвижное.

В словоформах Р. я. выделяются морфемы 6 типов: корни (см. Корень), приставки, суффиксы, окончания, постфиксы и интерфиксы (соединит. аффиксы сложных слов; см. также Аффикс). Словоформа выступает как линейная последовательность морфем (в словах с одним корнем их может быть от 1 до 8, преобладают же трёх- и четырёхморфные последовательности). Для изменяемых слов характерно членение на основу и окончание, причём именные флексии могут присоединяться только к основам на согласную. Этим объясняется тот факт, что имена существительные и прилагательные поздно сформировавшегося структурного типа с основой на гласную («шоссе», «кенгуру», «нетто», «МГУ» и т. п.) не способны сочетаться с окончаниями и поэтому принадлежат к разряду несклоняемых существительных.

По своему морфологическому строю Р. я. преим. флективный, синтетический (см. Флективные языки, Синтетические языки). Одно окончание выражает обычно сразу неск. морфологич. значений (см. Грамматическое значение). Напр., окончание -ую в словоформах типа «зелёную» выражает значения ед. ч., вин. п., жен. рода; флексия -у в словоформах типа «несу» – значения 1-го лица, ед. ч., наст. времени, изъявительного наклонения и т. п. Случаи, когда указанные значения выражаются отдельно, разными аффиксами, редки. Так, в формах повелительного наклонения значение мн. ч. выражается (постфиксом -те) отдельно от значения лица: ср. нес-и и нес-и-те; в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения значения времени и наклонения (суффиксом -л-), рода и числа (окончаниями). С др. стороны, одно и то же морфологич. значение (или комплекс значений) выражается в разных

словах несколькими разл. окончаниями. Так, значения дат. п., ед. ч. выражаются у существительных окончаниями -у (стол-у), -е (жен-е), -и (кост-и). Широко распространена в Р. я. и омонимия окончаний. Так, окончание -а в словоформах типа сестр-а, умн-а, пришл-а выражает значения жен. рода, ед. ч.; в óкн-а, дом-á – значения им. п., мн. ч.; окн-á, дóм-а – род. п., ед. ч. Окончание -и в существительных 3-го склонения выражает значения род., дат. и предл. падежей, ед. ч. Эти явления характеризуют Р. я. как язык флективного типа.

В Р. я. широко представлены морфонологич. преобразования основ, обусловленные их сочетаемостью с определёнными аффиксами (характерная черта синтетич. языков). Сюда относятся: 1) чередования фонем – гласных (напр., заооли-ть – засаливать) и согласных (напр., стар-ый – стар'-ик, часовн'-я – часовен, прята-ть – пряч-ут, ног-а – нож-ной, освет'-и-ть – ос-вещ-ать); 2) усечения основ (чита-ть – чит-ка, широкий – шир-е); 3) наращения основ (мать – матер-и, чуд-о – чудес-а); 4) совмещение (наложение) соседних морфов [«лиловатый» (где компонент «ов» принадлежит одновременно корню и суффиксу; ср. лилов-ый и бел-оват-ый)]. Б. ч. таких морфонологич. явлений наблюдается на стыке корня и суффикса, что обусловлено наличием в Р. я. развитой и многообразной суффиксации.

В морфологич. строе Р. я. можно усмотреть и элементы агглютинации, но лишь в глагольной постфиксации, где постфиксы -ся/-сь и -те присоединяются к целой словоформе: пиш-ет-ся, ка-та-л-а-сь, ид-ём-те, нагн-и-те-сь.

Аналитич. выражение грамматич. значений слов (см. Аналитизм) – вне пределов слова, средствами контекста – также представлено в Р. я., однако чаще выступает наряду с синтетич. (внутрисловным) выражением, сопровождая его. Так, значения рода, числа и падежа существительных регулярно выражаются не только в формах самого существительного, но и формами согласуемых слов: ср. «большая комната» – «в больших комнатах» (см. Согласование). Значения лица и числа глагола выражаются не только самой глагольной формой, но и словом, координируемым с этой формой в предложении (формально уподобляемым ей): ср. «я читаю» – «мы читаем». Залоговое значение глагола выражается не только в самом глаголе, но и синтаксически – конструкцией предложения (активной конструкцией или пассивной

конструкцией). Отношения существительных к др. словам в словосочетании и предложении выражаются не одними только падежными формами (беспредложными), но и – с большей степенью семантич. дифференциации – падежными формами в сочетании с предлогами (предложно-падежными формами).

В ряде случаев в Р. я. аналитич. выражение морфологич. значений является единственным. Сюда относятся, во-первых, аналитич. формы слов, состоящие из основного (знаменат.) слова и вспомогат. (служебного) слова: формы т. н. буд. сложного времени у глаголов несов. вида («буду читать»), сослагат. наклонения («читал бы»), т. н. совместного действия повелит. наклонения [«давай (давайте) читать»]; иногда к ним причисляют также формы сравнит. степени типа «более интересный» (см. Степени сравнения), формы повелит. наклонения типа «пусть (пускай) читает». Во-вторых, несклоняемые существительные, у которых только аналитически – средствами контекста (формами согласуемых или координируемых слов) – выражаются морфологич. значения рода, числа и падежа [ср.: «новое пальто» – «нового пальто» – «новые пальто» – «пальто куплено (куплены)» и т. п.]. В совр. Р. я. разряд существительных, лишённых окончаний, активно пополняется – прежде всего иноязычными заимствованиями и аббревиатурами. Количественный рост этого разряда свидетельствует о расширении черт аналитизма в морфологич. строе Р. я. В-третьих, аналитически выражаются: у существительных общего рода – родовое значение [«круглый (круглая) сирота»]; у существительных pluralia tantum (см. Число) – числовое значение [«одним суткам», «трём (нескольким) суткам»]; у глаголов в прош. времени и сослагат. наклонении – значение лица [«я/ты/он читал (бы)», «мы/вы/они читали (бы)»]; любое существительное в роли подлежащего является в этих случаях выразителем значения 3-го лица («брат читал (бы)», «студенты читали (бы)» и т. п.); у двувидовых глаголов (употребляющихся в значении и сов., и несов. вида) – видовое значение [в некоторых типах контекстов; ср.: «начать атаковать (несов. вид)» – «В семь утра рота атаковала (сов. вид) и овладела высотой»].

К чертам аналитич. строя относятся в Р. я. и такие неизменяемые единицы языка, которые носят по своей грамматич. природе переходный, диффузный характер: в них стираются грани между разными частями речи (существительным, прилагательным, а иногда и наречием), между самостоят. словами и частями слов. Ср., напр., «трудное

соло», «сонатина для скрипки соло» и «петь соло»; «какао» (существительное) и «какао-порошок»; «цунами» (существительное) и «цунами-станция»; «мини-юбка», «юбка мини» и «мода на мини»; «стиль модерн» и «мода на модерн»; «МГД» 'магнитная гидродинамика' (существительное) и «МГД-генератор»; «увлекаться роком» и «рок-музыка», «рок-ансамбль»; «разговор о видео» и «видеомагнитофон», «видеозапись»; «радио» (существительное) и «радиостанция», «радиорепортаж»; «метро» (существительное) и «метроост»; ср. также «дизель-мотор», «крекинг-установка», «Президент-отель» и подобные многочисл. структуры, в которых синтаксич. место суффиксального относит. прилагательного занимают компоненты, совпадающие с существительным. В синтаксисе ошутимым выражением аналитизма является широкое распространение специфич. словосочетаний с примыканием именных членов (в форме им. п.) там, где прежде преобладало (и может употребляться в совр. языке) согласование или управление; таковы сочетания типа «матч Карпов – Каспаров», «Олимпиада-2014», «ракеты класса "земля – воздух – земля"», а также (с употреблением количественных числительных вместо порядковых) «рейс тридцать три», «вагон пять, место двенадцать» и т. п.

Хотя отмеченные проявления аналитизма носят в совр. Р. я. активный, развивающийся характер, тем не менее в своей основе он остаётся языком флективно-синтетическим.

В области синтаксиса для Р. я. характерны следующие черты. Р. я. обладает разнообразными структурами простого предложения, среди которых противопоставляются структуры двухкомпонентные (двусоставные, подлежащно-сказуемые) и однокомпонентные (односоставные). В Р. я. представлены 3 типа сложных предложений: предложения с союзной связью, с относит. (местоименной) связью и бессоюзные. Отношения, характерные для связей между частями сложного предложения, во многих случаях выражаются также причастными и деепричастными оборотами, в которых атрибутивная форма глагола вместе с зависящими от неё словами концентрирует в себе семантич. функции зависимой части сложного предложения. В пределах словосочетания и предложения важнейшее место занимают грамматич. средства формального уподобления компонентов (согласование, координация сказуемого с подлежащим), средства выражения связи

компонентов – подчинительной (управление, союзное и местоименное соединение) и сочинительной (союзное соединение). Активную роль в синтаксисе играют интонационные средства – и в выражении отношений между частями предложений разных типов (как простых, так и сложных), и в дифференциации предложений с точки зрения коммуникативной задачи, и в определении границ предложения как цельнооформленной единицы (см. [Интонация](#)).

[Порядок слов](#) в Р. я. считается свободным, поскольку в нём допускается мена мест всех членов предложения – как главных, так и второстепенных. Вместе с тем эта свобода относительна, любая перестановка членов предложения влечёт за собой разл. смысловые изменения, связанные с выделением темы и ремы (см. [Актуальное членение предложения](#)) или с экспрессивным выделением того или иного члена предложения. Каждому структурному типу предложения свойственны определённые правила словопорядка, его актуализации и экспрессивного функционирования.

Для рус. синтаксиса характерны такие особенности построения предложений, как предпочтение конструкций типа «У меня есть...» конструкциям типа «Я имею...», отсутствие форм глагола-[связки](#) «быть» при выражении синтаксич. наст. времени (в предложениях с именным [предикатом](#)).

Лексический состав Р. я. – продукт длительного, многовекового историч. развития. Будучи в своей основе исконно русским, он активно пополняется за счёт производных слов, создаваемых по собств. словообразоват. моделям. В совр. лит. Р. я. производные (словообразовательно мотивированные) слова составляют примерно 95% всего словарного состава. Др. источником пополнения словарного состава Р. я. были в разные историч. эпохи и являются в совр. языке лексич. заимствования. Так, ещё в др.-рус. лит. язык проникли из [старославянского языка](#) и [церковнославянского языка](#) т. н. [славянизмы](#): «краткий», «глава», «гражданин», «освещать», «единый» и т. п. Из [тюркских языков](#) в средние века были заимствованы такие слова, как «башмак», «деньги», «казак», «сундук» и др. Заимствования из зап.-европ. языков активизировались начиная с эпохи Петровских реформ и далее в 18–19 вв.: из нидерландского («апельсин», «зонтик», «каюта», «матрос»), немецкого («циферблат», «штамп», «парикмахер»), французского («банальный», «галантный»),

«вестибюль», «жакет», «пюре»), английского («бойкот», «бульдог», «спорт», «лидер»). В 20 – нач. 21 вв. преобладают заимствования из англ. языка: «бизнес», «лайнер», «спринт», «слайд», «компьютер», «шоу» и др. Значит. слой совр. рус. лексики, особенно в сфере науч.-технич. терминологии, составляют интернационализмы (с преобладающими в них лат. и греч. корнями), что соответствует общемировому процессу интернационализации терминологии. Др. заметные источники пополнения словарного состава лит. Р. я. наших дней новыми словами и значениями – просторечие и жаргоны («беспредел», «вырубиться», «расклад» 'соотношение сил', «разборка» 'драка, выяснение отношений' и др.).

В целом открытость Р. я. к иноязычным заимствованиям, их активное усвоение и приспособление к рус. грамматич. системе – характерная черта, прослеживаемая на всём протяжении историч. развития Р. я., свидетельствующая о гибкости его лексич. строя и являющаяся одним из источников его словарного богатства.

В истории русского языка выделяются 3 периода. 1-й период (6–7 – 14 вв.) начинается выделением вост. славян (предков русских, украинцев и белорусов) из общеславянского единства. С этого времени ведёт своё существование и вост.-слав. (др.-рус.) язык – предшественник рус., укр. и белорус. языков (см. Древнерусский язык). В 14 в. началось его деление на 3 языка вост. славян.

На вост.-слав. языке говорили племена, заселявшие территорию от Ср. Поднепровья на юге до оз. Ильмень на севере; от верхнего течения Оки, Волги и Дона на востоке до Волыни, Подолии и Галиции на западе. Диалекты этих племён были близки друг другу и характеризовались теми особенностями, которые развились в процессе выделения вост. славян из общеславянского единства и отсутствовали в др. слав. языках.

В 9 в. в среднем течении Днепра, на территории, заселённой племенем полян, возникло феод. гос-во – Киевская Русь (см. Древнерусское государство). Оно объединило вокруг себя вост.-слав. племена, составившие др.-рус. народность. Языком этой народности был др.-рус. язык, сформировавшийся в осн. на базе диалектов вост.-слав. племён.

В 10 в., с принятием христианства, на Русь стали поступать из Болгарии церковные книги, написанные на старославянском языке. Это способствовало распространению письменности. Книги переписывались рус. писцами, которые таким образом усваивали особенности старославянского языка. Вместе с тем, распространяясь через книги по широкой территории, занятой славянами, старославянский язык впитывал в себя местные языковые особенности. Так в 11–12 вв. образовались местные разновидности (редакции) старославянского языка; совокупность этих редакций – вост.-славянской (рус.), юж.-славянских (ср.-болг., серб.) и зап.-славянской (чеш.) – носит назв.

церковнославянского языка. Он был общим лит. языком славянства на протяжении всего ср.-век. периода. Тексты на церковнославянском языке были связаны гл. обр. с церковной тематикой, это прежде всего канонич. книги [Священного Писания](#).

Древнейшей из дошедших до нас книг, написанных на Руси, до недавнего времени считалось [Остромирово Евангелие](#) (1056–57). Однако более древним является текст в т. н. [Новгородском кодексе](#) (кон. 10 в. или 1-я пол. 11 в.). Язык этого памятника, безусловно, старославянский, но характер ошибок, допущенных писцом, «однозначно свидетельствует о том, что он был... восточный славянин (т. е. русский в том смысле, в котором этот термин используется применительно к древнерусской эпохе)» (А. А. Зализняк, В. Л. Янин). На церковнославянский язык переводились также сочинения с др. языков (гл. обр. с греческого). Проф. переводчики существовали на Руси уже в нач. 11 в. В это же время возникали и оригинальные произведения, написанные др.-рус. писателями на церковнославянском языке: напр., «Слово о законе и благодати» митр. Илариона (сер. 11 в.), «Житие Феодосия Печерского» (кон. 11 в.), «Чтение о Борисе и Глебе» (кон. 11 в.), «Сказание о Борисе и Глебе» (11 в.).

В этот же период существовали и светские жанры письменности: записи и комментарии реальных историч. событий (зачастую в худож. форме), описания путешествий, а также тексты законов и частная переписка. Язык этой письменности – др.-рус. язык – существенно отличается от церковнославянского языка, он наполнен разнообразными словами и формами живой вост.-слав. речи. Он отразил [койне](#), складывавшееся на вост.-слав. основе в крупных городах Рус. государства (прежде всего в Киеве). В письменности койне употреблялось в обработанном, упорядоченном и «окниженном» виде. И в койне, и в письм. речь, возникшую на его основе,

проникли славянизмы. Количество и состав славянизмов в др.-рус. письменности во многом зависели от её содержания. Лит. произведения использовали их в большей степени, деловая письменность – в меньшей. В др.-рус. письменности осуществлялся отбор славянизмов, наиболее употребительных в памятниках церковнославянского языка. Эти славянизмы вступали в разнообразные процессы взаимодействия с народно-разг. элементами языка.

Произведения светской письменности, написанные на др.-рус. языке, делятся на 2 группы: 1) летописные рассказы и худож.-повествоват. лит-ра [сочинения [Владимира Всеволодовича](#) Мономаха (кон. 11 – нач. 12 вв.), [«Слово о полку Игореве»](#) (кон. 12 в.), «Девгениево деяние» (перевод на др.-рус. язык визант. романа 10 в., сделанный в 12–13 вв.), «Моление Даниила Заточника» (1-я пол. 13 в.), «Слово о погибели Русской земли» (13 – нач. 14 вв.), [«Задонщина»](#) (кон. 14 в.) и др.], написанные на др.-рус. лит. языке; 2) памятники делового характера и частная переписка (в т. ч. грамоты, написанные на берёсте; см. [Грамоты](#), [Берестяные грамоты](#)), в разной степени непосредственно отразившие устную разг. речь.

В 11–14 вв. в др.-рус. языке произошли существенные изменения. Важнейшим изменением в фонетике было закончившееся в 12–13 вв. т. н. падение редуцированных (см. [Редуцированные гласные](#)). Изменился и ряд др. звуков и их сочетаний. В области склонения существительных произошло уподобление одних типов склонения другим и образование благодаря этому немногих осн. образцов склонения. Важнейшие изменения в спряжении глагола – выход из употребления нескольких форм прош. времени (аориста, имперфекта, плюсквамперфекта) и образование на базе [перфекта](#) одной формы прош. времени на -л.

2-й период (15–17 вв.) начался с распадом единого вост.-слав. языка и возникновением языка великорусской народности. Наиболее древние памятники Р. я. фиксируют сравнительно мало черт, закреплённых только за к.-л. одной территорией (напр., [цоканье](#), отражающееся в новгородских памятниках с 11 в.). Письменность распространялась из Киева, поэтому язык киевских памятников, во многом отражавший киевское койне, влиял на речь др. мест. Однако с течением времени в памятниках разных территорий встречается всё больше местных черт, что

свидетельствует об увеличении диал. различий в устной речи. Причинами этого явились распад Др.-рус. гос-ва, переход ведущей роли к сев. и сев.-вост. местным центрам (Владимир, Суздаль, Ростов и др.), усиление феод. раздробленности. Уже памятники 12 – нач. 13 вв. отражают ряд явлений, различных для юга и юго-запада, с одной стороны, севера и северо-востока – с другой. Наиболее древним из них было удлинение и дифтонгизация исконных [e] и [o] перед слогами с утраченными [ь] или [ъ] («печь» > п[ие]чь, «конь» > к[уо]нь), свойственное юж. говорам, лёгшим в основу укр. языка: в укр. лит. языке на месте дифтонгов представлено [и] (піч, кінь).

Формирование языка великорусской народности сопровождалось значит. изменениями и в грамматиц. строе, и в словарном составе, отличающими этот язык от украинского и белорусского: утратилась звательная форма («отче», «господине»); появилась форма им. п. мн. ч. с окончанием -а («города» вместо «городи»); [ц], [з], [с] в формах склонения заменились на [к'], [г'], [х'] (появились формы типа рукэ, ногэ, сохэ вместо руцэ, нозэ, сосэ) и др.

Местные различия имелись и в языке великорусской народности. Среди диалектов, сложившихся во 2-й пол. 12 – 1-й пол. 13 вв. [новгородско-псковский, смоленский, ростово-суздальский и акающий (см. [Аканье](#)) диалект верхней и средней Оки и междуречья Оки и Сейма], ведущее место постепенно занял ростово-суздальский (севернорусский по происхождению) диалект. В состав этого диалекта входил моск. говор. Москве, ставшей со 2-й четв. 14 в. политич. и культурным центром, принадлежала особая роль в унификации норм Р. я. Вокруг Моск. кн-ва объединился целый ряд др. княжеств, и в 15 в. сложилось обширное гос-во – Моск. Русь. В 16 в. постепенно выработывались нормы моск. разг. речи, в которой нашли отражение явления как северных, так и южных великорусских диалектов: мн. особенности согласных звуков (напр., «г» взрывное) были унаследованы от сев. говоров, а гласных (напр., аканье) – от южных. Севернорусскими по происхождению являются произношение [т] (твёрдого «т») в окончании 3-го лица ед. и мн. ч. глаголов («идёт», «идут»; ср. южные «идеть», «идуть»), произношение звука [в] в окончании род. п. ед. ч. прилагательных и местоимений муж. и ср. рода (то[в]о, добро[в]о; ср. южные «того», «доброго» с [χ] – «г» фрикативным) и др. Разг. речь Москвы нашла отражение в деловых документах моск. приказов, а язык этих документов (равно как и

сама разг. речь) оказывал влияние на др.-рус. лит. язык, отразившееся в языке мн. произведений 15–17 вв. [«Хожение за три моря» Афанасия [Никитина](#), сочинения Ивана Грозного (см. [Иван IV Васильевич](#)), И. С. [Пересветова](#), Г. К. [Котошихина](#), [Арсения Суханова](#) и др., [«Повесть о Петре и Февронии»](#), «Повесть о псковском взятии», «Повесть об азовском осадном сидении донских казаков», сатирич. лит-ра].

В лит. языке 15–17 вв. продолжался начавшийся в предшествующий период процесс отбора и освоения славянизмов. Как и тогда, существовала большая лит-ра на церковнославянском языке, развитие которого на рус. почве в 15–17 вв., однако, характеризовалось рядом особенностей: его рус. разновидность испытывала сильное влияние со стороны юж.-слав. разновидностей; он превратился в замкнутую систему, отчётливо противопоставленную др. разновидностям языка; вместе с тем он более широко, чем в предшествующий период, охватывал светские жанры (публицистику, историч. произведения, путешествия, светские повести и т. п.), что способствовало проникновению в него разг. элементов.

Для 3-го периода истории Р. я. (с 18 в.) характерны серьёзные изменения в нём, что было вызвано существенными сдвигами в обществ. жизни, происшедшими на рубеже Средневековья и Нового времени. Развитие экономич. и политич. связей Моск. Руси, рост авторитета Москвы, распространение документов моск. приказов способствовали росту влияния устной речи Москвы на территории Моск. Руси. Это явилось причиной того, что говор Москвы лёг в основу начавшего формироваться в 17 в. рус. нац. языка. Формированию нац. лит. языка способствовало всё более широкое распространение в демократич. слоях общества лит-ры, язык которой сложился на основе устной и деловой речи. Образование и наука стали более светскими.

Расширение междунар. связей Рус. гос-ва нашло отражение в активизации [заимствований](#) из зап.-европ. языков (часто через посредство польск. языка). Заимствования, в большом количестве вошедшие в язык в эпоху [Петра I](#), затем подверглись постепенному отбору: часть их быстро вышла из употребления, другие же закрепились в языке. Многие слова были созданы по модели иноязычных слов (см. [Калька](#)).

Начиная со 2-й пол. 16 в. постепенно сужалась сфера употребления церковнославянского языка. Церковнославянские элементы, особенно лексические, вошли в состав рус. нац. лит. языка, но церковнославянское наследие было использовано далеко не в полном объёме: даже в книжных жанрах не использовались устаревшие и малоупотребит. элементы языка. Зато закрепились народно-разг. элементы. Несмотря на то что новые произведения и новые списки на церковнославянском языке появлялись в течение 17–18 вв. и даже в нач. 19 в., его употребление всё более ограничивалось. Он превращался в собственно церковный язык (язык религ. культа). Этому способствовало «обмирщение» обществ. жизни и культуры в эпоху Петра I. Реформы петровского времени открыли путь для вхождения в рус. лит. язык зап.-европ. слов и рус. народно-разг. элементов.

В процессе синтеза разл. элементов (народно-разг. основа, черты делового языка, зап.-европ. заимствования, славянизмы) вырабатывались нормы рус. нац. лит. языка. К сер. 18 в. сложилась его устно-разг. разновидность. Рус. лит. язык Нового времени совершенствовался и стабилизировался в произведениях писателей и поэтов 18 – 1-й пол. 19 вв. А. Д. [Кантемира](#), В. К. [Тредиаковского](#), М. В. [Ломоносова](#), А. П. [Сумарокова](#), Н. И. [Новикова](#), Д. И. [Фонвизина](#), Г. Р. [Державина](#), Н. М. [Карамзина](#), И. А. [Крылова](#), А. С. [Грибоедова](#), А. С. [Пушкина](#). В этот период продолжалось урегулирование отношений между элементами разг. речи и церковнославянского языка. Многие славянизмы получили новые значения. Всё сильнее проявлялось осторожное отношение к употреблению архаич. славянизмов в лит. произведениях. Ломоносов в своей стилистич. теории (см. [Трёх стилей теория](#)) исключал «весьма обетшальные славенские речения» даже из «высокого штиля». Особенно решительно ограничил использование славянизмов Карамзин, ориентировавшийся на язык высших кругов общества. Наконец, Пушкин нашёл такие пути органич. слияния трёх языковых стихий – славянизмов, народно-разг. и зап.-европ. элементов, которые оказали решающее влияние на выработку норм рус. нац. лит. языка. Язык пушкинской эпохи в своей основе сохранился до наших дней. Всё последующее развитие лит. Р. я. было углублением и совершенствованием норм, заложенных в эту эпоху.

В развитии совр. рус. лит. языка, в формировании его норм важную роль сыграла языковая практика крупнейших рус. художников слова – писателей 19 – нач. 20 вв.

(М. Ю. [Лермонтова](#), Н. В. [Гоголя](#), И. С. [Тургенева](#), Ф. М. [Достоевского](#), М. Е. [Салтыкова-Щедрина](#), Л. Н. [Толстого](#), А. П. [Чехова](#), М. [Горького](#), И. А. [Бунина](#) и др.). Со 2-й пол. 19 в. на развитие лит. Р. я. большое влияние оказывает язык науки и публицистики.

В 20 в. значительно обогатился словарный состав лит. Р. я. В частности, развитие науки и техники способствовало пополнению лит. языка спец. терминологич. лексикой (см. [Терминология](#)); некоторые сдвиги произошли в словообразовании, грамматич. строе; обогатились стилистич. средства.

О письменности Р. я. см. в статьях [Глаголица](#), [Кириллица](#), [Реформы азбуки и правописания](#), [Русский алфавит](#), о науч. изучении Р. я. и его преподавании см. в ст. [Русистика](#).

Литература

Лит.: Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. Ч. 1: Фонетика и морфология; Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959; Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 1; Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. М., 1968. [Вып. 1–4]; Русская разговорная речь. М., 1973; Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. К постановке проблемы. М., 1977; Виноградов В. В. История русского литературного языка. Избранные труды. М., 1978; он же. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. М., 2001; Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. М., 1991; он же. Ассоциативная грамматика русского языка. 2-е изд. М., 2010; Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии». М., 1995; Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. 3-е изд. СПб., 1999; Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М., 2000; Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. 2-е изд. М., 2002; Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М., 2002; Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. 2-е изд. М., 2004; Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004; Лопатин В. В., Улуханов И. С. Русский язык // Языки мира. Славянские языки. М., 2005; Русская

грамматика. М., 2005. Т. 1–2; Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. М., 2005; Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI вв. М., 2008; Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. 5-е изд. М., 2010; Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. 2-е изд. М., 2010; Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 5-е изд. М., 2010.